

Стансы времени

Посмертная слава при жизни,
концертный костюм ледяной.
Всем телом прижаться к отчизне
усталой кремлевской стеной.

Узбек ли кричит на молитве,
калмык ли справляет нужду —
холодное лезвие бритвы
остудит былую вражду.

Кого не признает эпоха,
того не заметит патруль.
Везде одинаково плохо —
на солнце стоять, на ветру ль.

Гремит огнедышащий полдень,
зияет глубокая ночь,
и нет ни тригорских, ни болдин,
и гений не сможет помочь.

Не будет ни мира, ни хлеба,
войну напророчит спирт.
Горячее смуглое небо
над городом вечным парит,

и брат ополчится на брата,
и нервы натянут струной.
Холодное небо разврата
висит над великой страной.

Молчит потрясенный оракул,
весталки бормочут во сне.
И сотни проснувшихся дракул
довольными будут вполне.

И наша Россия не наша,
и спят в золоченых гробах
Знакомая Чехова, Маша,
и бедный барон Тузенбах.

Сквозь кружево пауз и реплик
Григорий уходит в туман,
за пулю хватается Треплев,
Шарлотта стучит в барабан.

...Дымится вдали синагога,
и в холоде страшных равнин
еврей уповает на Бога
и верит в судьбу славянин.

Поклонимся вечной отчизне.
Натянута время струной.
Посмертная слава при жизни,
последний костер ледяной...

Предисловие к путешествию

В царстве теней, в этом обществе строгом...

В. В.

Там тебя ждут не дождутся
толпы друзей.
Только не надо дуться —
просто глазей.

Там увидишь кого-то,
кого здесь потерял.
Их не терзает забота —
не тот матерьял.

Они пролетают сквозь время, —
их не догнать.
(Ножку вдень в серебристое стремя,
небесных коней погладь.)

Холодно там, наверно, и пусто,
там — никого...
Хочешь — читай Марселя Пруста,
хочешь — аббата Прево.

Никто не скажет: "Захлопни книгу.
Лучше иди погуляй..."
Там уже не затеешь интригу —
в ад идти или в рай.

И никакого тебе дизайна,
и вряд ли будет жилье.
У входа надпись "Jedem seine!" —
каждому свое.

Там тишина, бестелесность, духи
тех, что ушли давно.
Несутся по небу небесные слухи
о том, что нам знать не дано.

...Хорошо, если увижу маму
и если мелькнет отец...
Там разрешится небесная драма
наших душ и сердец.

А коротать придется Вечность
среди млечных путей.
Ангелы... Звезды... Миры... Бесконечность...
Царство детей...

Но это — если ты чист и безгрешен
и порхаешь, как легкий снежок...
А что если скажут: "Ты взвешен —
и найден легким, дружок"?..

Тогда и завертишься на сковородке,
подставляя грудь и бока.

Трое возлюбленных — в одной лодке,
и так — на века.

Впрочем, еще ничего неизвестно,
что там произойдет...
Все будет стерильно, все будет честно
и Суд, как всегда, грянет.

Наступит рассвет, осторожный, хилый,
и скажет последний смерд:
"Господи Боже, дай мне силы,
к грешнику будь милосерд!"

...Сказал мне раввин: "Когда вечность очнется, —
запомните это навек! —
только тогда все и начнется,
молодой человек!"

(Там проплывут знакомые тени —
Иосиф, Блок, Пастернак...
Промчится век, пройдет неврастеник —
гений и просто дурак.)

В царстве теней, в этом обществе строгом,
моя любимая мать.
Господи, только маму не трогай
и дай отца повидать.

В царстве теней блеснет астероид,
идут проливные дожди.
И пока эти ливни твой грех не омоют,
будь терпелив и жди!

Так что не надо заранее дуться,
просто стой и глазей.
И помни: там тебя ждут не дождутся
толпы твоих друзей.

* * *

Страх и трепет у ворот,
снова жизнь кого-то треплет...
Время движется — и вот
наступают страх и трепет.

Входит в гости Киркегор,
жизнь опять кого-то мучит...
Нерадивый Пифагор
неуд свой опять получит.

Видно, жизнь не удалась...
Стыдно слушать этот лепет.
Неужели снова в класс,
снова в школу, в страх и в трепет?..

Стансы-2

Анатолию Гланцу

Корнеплоды и заводы,
сизый муравей,
Мы с тобой одной породы,
брат мой, соловей.

Сухофрукты и продукты
тонут вдалеке.
И плывут баракты с бухты
по родной реке.

Гарнитур и амуров...
Лавры старика...
Белокурые профуры
смотрят свысока.

Пионеры и эсеры,
прадед и кадет —
каждый, кто из СССРа,
празднично раздет.

Огнедышащие волки,
мокрая трава...
Дует в поле ветер колкий,
гнутся деревья.

Дирижабли и скрижабли,
в небе человек...
На одни и те же грабли
наступает век.

На таинственные книги —
Кафка, Элиот —
сквозь тяжелые вериги
смотрит идиот.

Будет жертва, будет клятва,
жатва и жратва...
За базар ответит завтра
глупая братва.

Потому и смотрит косо
неподкупный вождь,
что родные абрикосы
поливает дождь.

Потому и верит ветер
в сонные пруды,
что одни на белом свете
живы — я и ты...

Потому и смотрит грозно
месяц из-за крыш,
что молиться Богу поздно
там, где ты стоишь.

Одесса. Экологический этюд

Это одесское лето, одесское гетто,
толпа озаренных придурков,
это влажная завязь травы и речи,
морской соли и сырого тумана,
косноязычие одесских долгожителей,
подвешенных поэтов, тихих задумчивых сумасшедших,
хитрых шахматистов и расчетливых утренних философов...

Это утренний кефир и полдненное солнце
над горячим от жизни Привозом,
Молдаванка с покосившимися улицами
и древними, подмытыми артезианскими и фекальными
водами, дворами,
где долго не гаснут закаты,
и на бледные лица слепых кариатид
ложится к ночи теплая бессмертная одесская пыль...

Сладкий дым и смог загазованных пляжей,
Златы Пяски еще не загаженной Дофиновки,
свежие жабры бычков-гладиаторов,
борющихся с тяжким воздухом моей отчизны,
моего любимого греческого полиса,
моей старушки Пальмиры...

Восхитительный запах дерьма и отечества!
Где сливочный амфир и классическое барокко,
цветной торт лепных карнизов
и ломкий бисквит известняка,
дворовые сортиры,
дождик на станции Сортировочной,
мокрые рельсы и тоска переездов.

Где по утрам над Отрадой встает высокое свежее море,
которое пахнет степью и неубитой рыбой..
Где не слабеет целебный запах водорослей и йода,

и в августе на скалах крепчает зловоние мидий,
черной и жирной морской травы...
Это — память о временах, когда под Одессой, как под сердцем,
ходило большое свежее море,
и в турецком чаду кофеен
подымался над Ланжероном
жертвенный шашлычный дым...

К распаду Союза

Но синий декабрьский денек,
но нежность оттуда,
где горем залитый белок
горяч, как Иуда.

Покуда чеканят гроши
над гробом событий,
играют в лапту латыши
в предгорье наитий.

Пока голубеет река
в тазу, как в лазури,
играет поллитрой рука
в предчувствии бури.

Весна

...А утром во дворе так тихо лопнет лед,
и сыростью ночной подует из сортира,
с окрестных гор и ледяных болот,
из плодовоочной квартиры.

Там грезит о тепле холодный зябкий парк,
налитый молоком тумана,
там детское евангелие Марк
читает людям без обмана.

Пускает в небеса свой аленький кораблик
мой грач двоюродный, троюродный мой зяблик.

Не знаю почему, но в сумерках рассвета
таится ослепительное лето.
И тает лед, и ветка голодает,
и месяц тонкий над землей летает...

И город всхлипнет вдруг, и ослабеет холод,
и скажет мне мой друг, что я красив и молод.

Кругом такая ночь!.. Расслабленная речь,
задумчивая дочь, затопленная печь...

И звезды смотрят вниз в предошущенье чуда,
и неземная речь летит оттуда.

На отлете

Мне кажется: на теплых камнях города
лежит моя голова.

Она осталась здесь...

Дышит, смотрит в листву, грезит —
послевоенным летом, детством,
клекотом свежей воды из-под крана,
югом, мокрой галькой моря,
облаками над Хаджибеем,
книгами юности,
нашими надеждами, музыкой, —
отшелушившейся молодостью...

Теперь я вижу себя,
бегущего в лабиринте дворов
отощавшей гончей,
с исхудалым лицом педагога,
уже почти безумным...

Нынче все позади,
но это во мне.

Я долго смотрю на месяц.
Месяц тонкий, слезящийся...
Кругом ночь, крыши, туман.
Блестит мостовая... Никого.
Я не выдерживаю —
и поднимаюсь к звездам...

Россия. Метеосводка (прогноз погоды)

О первый летний дождь!
Шумит, благоухает...
Уж травам невтерпеж,
и небо набухает.

Хлеба уже мокры,
и влажен куст сирени.
О, трепетанье крыл!
О, грозы озарений!

Всем ливнем двор порос.
Гром в подворотни рухнет.
И молния угроз
то вспыхнет, то потухнет.

Как этот шквал рисков!
Там град созрел и вызрел.
Дожди пойдут на Псков
и повернут на Сызрань.

Пожарами грозя,
весь мир кипит от ветра.
Как жалко, что нельзя
перекрестить язя
и отмолить осетра!

За Волгой дождь следит,
вода под ливнем пляшет...
И сельдь во тьме кипит,
и гусь крылами машет.

У ливня есть фантом —
из вод выходят реки.
Под проливным зонтом
гуляют человеки.

Разбух от ливней плот,
трещит небесный кокон...
На нерест рыба прет,
и тяжелеет окунь.

Уже трава горчит,
в восторге утка кричит...
И гром еще ворчит,
и страх свой рыба прячет.

Безмолвствуют леса,
и речка без призора...
Наивно в небеса
уже глядят озера.

Как в закрома, в чердак
засыпан дождик крупный.
На даче Пастернак
окучивает клубни.

Уже восходит зябь,
и дни грозят Мессией...
Уже разверзлась хлябь
над сумрачной Россией.

Но паутинки нить
дрожала осторожно.
Уже нельзя казнить,
лишь миловать возможно.

Весна опять

...Но в доме сумерки, и в окнах тьма и свет,
и ливень топчется в передней,
и кошка ластится, и потускнел паркет,
и вечер тянется, не первый, не последний.

Неосторожные, без глаз, бредут коты
по крышам маленьким и острым.
Серп смотрит пристально на город с высоты:
кто в эту ночь был тайно к нам подослан?

Там хвоей вздернутая лагерная высь
играет в прятки с небесами.
Дни Словом схвачены. Там духи собрались.

Жизнь, не затравленная псами,
течет, безгласная. Где голубеет дол,
и в городах светло и пусто, —
весна торопится, поэты пищут в стол,
и дорожают зелень и капуста.

Время года — апрель

Печальные дети отпетой зимы!..
Страна многолюдна, и люди в истоме.
Там дети Гоморры играют в Содоме...
О, только б спастись от сумы да тюрьмы!

Гоните их в шею! Чеканьте мосты!
Оставьте в покое монеты и флаги...
Сверкнут ятаганы в турецкой отваге,
и в детской молитве раскроются рты.

Прощай, Андалузия! Лето, прощай!
Зима наступает на горло предметам,
и солнце китайское смотрит при этом
так косо, как будто летает праща

по улицам... Статуи стынут в метро,
деревья роняют остатки обедов,
и ветер пирует на кортах соседа,
и мальчики спят, улыбаясь хитро...

Гуляет весна. Городской Капабланка
обыгрывал в шахматы местную власть.
Вороны кричали надсадно и всласть,
и в небе дрожала спортивная планка.

...Крошится апрельский обеденный мел.
Все школы объята распутством и ленью.
Проклонулась травка. И маленький Ленин
еще не родился, еще не успел...

